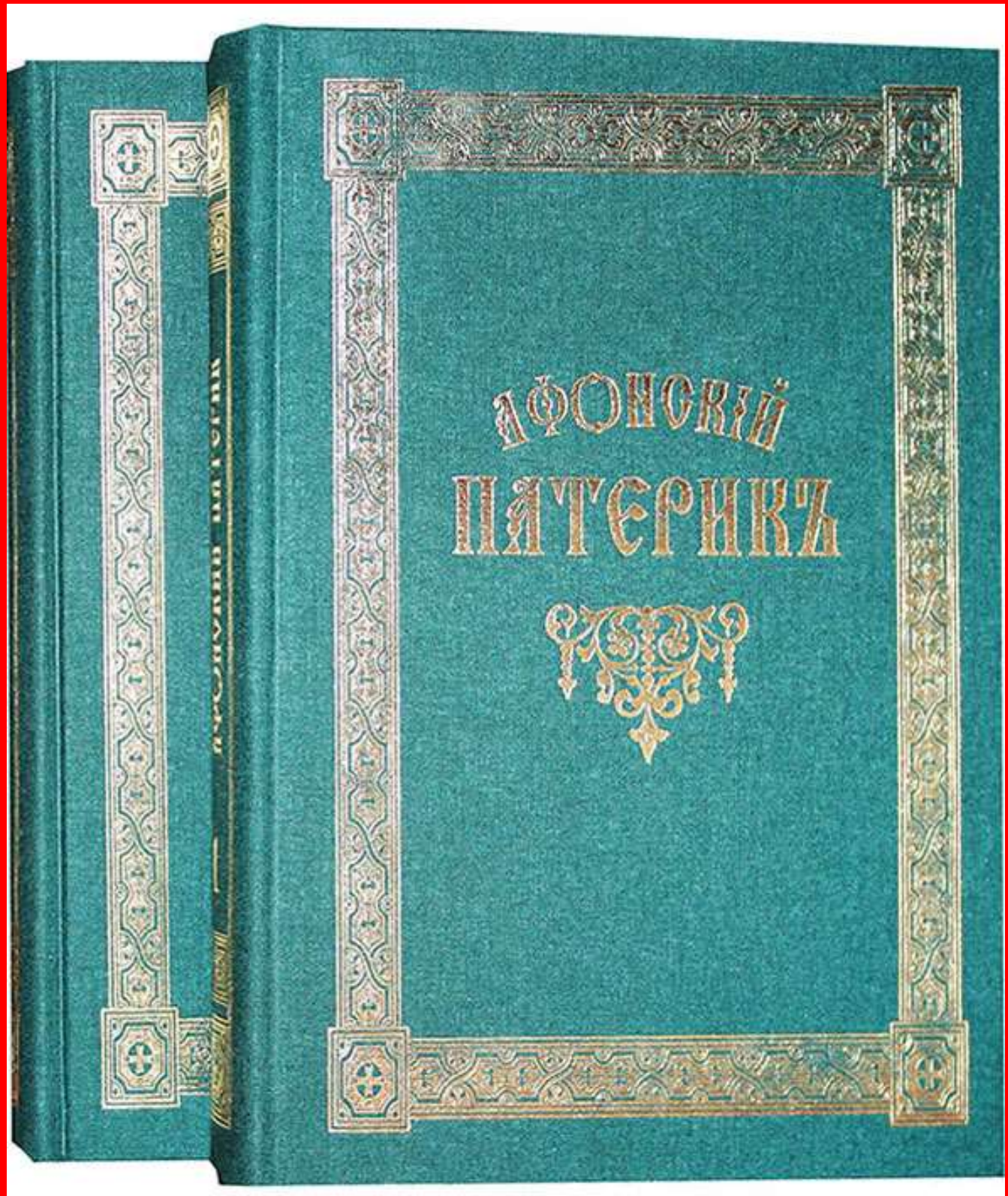

TEZAUUR LITURGIC

PATERICUL ATHONIT II

SF.PANTELIMON-ATHOS,2002

1 НОЯБРЯ

Житие преподобных и богоносных отцов наших Евфимия и Неофита дохиарских³⁰¹

Имена родителей преподобного отца нашего Евфимия неизвестны, равно как и значение их в свете. Достоверно только то, что сам Евфимий был из числа византийских вельмож, современник преподобного Афанасия Афонского, друг еще в мире, постриженник его в иночество и ученик его в иноческой жизни³⁰². Живя с Афанасием довольно долго еще до основания Великой лавры, он видел, как устраивал преподобный священную киновию, и с благоговением удивлялся собранию добродетельных и преподобных мужей в единую ограду, будто расточенных овец, под бдительное попечение единого пастыря. Он питал глубокое благоговение ко всем этим святым мужам, но более всего – к великому отцу своему Афанасию, по причине добродетельной и изумительной подвижнической его жизни. За примерное братолюбие, за достохвальную кротость и скромность, за особенное рвение к ангелоподобной подвижнической жизни святой Евфимий удостоен был Афанасием первой по

нем степени в братстве и назначен проходить должность дохиара: на нем лежала забота о всем продовольствии, о всех вещественных нуждах братства – и он проходил ее с таким усердием, верностью и честностью, как если бы она возложена была на него Самим Богом, а не отцом его духовным.

Но блаженная душа святого дохиара хотела больших подвигов – горела желанием безмолвия. Как истинный послушник, предлагает он свою мысль на обсуждение своего друга, наставника и отца. Святой Афанасий, предвидя духом, что он сделается примером подвижнической жизни и будет виновником вечного спасения многих душ, не только благоволил святому его желанию, но позволил идти с ним в безмолвие и другим, кто пожелает, из священной его дружины. Итак, святой Евфимий с несколькими братьями, выйдя из лавры, создал в месте, называемом Дафна, монастырек (монидрион) во имя святого Николая и в память своего послушания, проходимого им в лавре святого своего отца, назвал его Дохиаром. Внимательно смотрел святой Евфимий за всеми движениями своей души на новом, отшельническом, пути к небу, старательно обходил сети коварного врага, расставляемые им на пути нашем ко спасению, усугубил здесь и пост, и молитву. Постоянно

напоминал и малой своей дружке о глубоком к самим себе внимании, объясняя, что наша брань, по Апостолу, – «не к крови и плоти, но к началам и ко властем и к миродержителем тьмы века сего» (Еф. 6, 12). Не мог равнодушно смотреть на такие подвиги святого Евфимия начальник преисподней и непримиримый враг рабов Божиих. Скоро успел он причинить скорбь святому, употребив как орудие для этого сарацин. Однажды святой Евфимий, увидев их из своего убежища в пристани Дафны³⁰³, предузнал, что люди эти явились здесь не с благой целью. Поэтому он благорассудил уступить гневу исконного нашего врага – удалился из своего убежища вместе со своим братством и скрылся в соседнем густом лесу Горы. Злодеи, явившись в монастырек, расхитили священные сосуды церкви и небольшой хозяйственный запас и утварь. Но не удовольствовался этим доброненавистник. Он возбудил орудие свое – сарацин – на крайнюю и бессмысленную ярость: они разрушили до основания церковь и стены монастыря, и таким образом оставив после себя развалины, удалились. Возвратившись из лесу со своей дружиною и увидев в таком жалком и достойном слез положении монастырь свой, святой познал, что злодеи простерли свою ярость

на самые здания, без всякой для них пользы, конечно по действию лукавого. Но святой Евфимий был далек от малодушия и ропота. От всей души благодарил он Бога за посещение его и скорбью, и милостью – скорбью, что злодеи лишили его имени, милостью, что жизнь его и бывших с ним сохранилась от опасности. Воодушевлял он также и свое братство, вооружал их против малодушия, укрепляя своими отеческими и святыми наставлениями. А так как пристань, бывшая недалеко от его монастырька, привлекла в Дафну множество разного народа, то диавол по зависти своей легко мог снова возбудить кого-нибудь против святого: поэтому, чтоб не испытать опять такого же несчастья, святой Евфимий решился оставить Дафну. Путеводимый Богом, он нашел место более удобное к безмолвию – то самое, где теперь красуется священный монастырь Дохиарский. Это место полюбилось ему и возбудило в нем желание остаться здесь. Посему он явился к проту Святой Горы, которого звали авва Исаак, и объявил ему о своем намерении. Прот не взялся решить это дело один, но призвал к себе игуменов всех монастырей и предложил им на обсуждение благочестивое желание святого Евфимия. Тогда и прот, и все игумены единодушно одобрили такое

богоугодное предложение святого, ибо все питали к небу великое благоговение и уважение как за добродетельную его жизнь, которая стала известна всем на Святой Горе, так и ради знаменитости его рода: поэтому тотчас же дали ему грамоту, за печатью прота, с подписью игуменов, на владение просимым им местом. На новом месте святой Евфимий опять воздвиг монастырек – и тоже в честь и память святого Николая, и уже никем более не был беспокоим, но пользовался любимым, всегда желанным и высоко ценимым безмолвием. Как дорого святой ценил безмолвие, видно из того, что для него презрел он дикость и суровость места и недостаток важнейшей жизненной потребности – воды! Иноческие его подвиги и здесь пошли обычной чредою – и он со дня на день восходил от силы в силу, служа образом и примером для малого своего братства.

Вскоре по водворении святого Евфимия на новом месте прибыл к нему из византийской столицы племянник его, по имени Николай. Он был из числа знаменитых тамошних вельмож и опытейших советников славного царя Никифора Фоки, пользовался великой царской милостью и даже почтен был саном патрикия. У Николая родители были также славные и благочестивые. Отец его имел достоинство

великого дукса и назывался Иоанном, а мать именовалась Евдокией. Николай с ранних лет пламенно стремился к иночеству. Еще на двадцатом году своего возраста, когда был в должности первого государственного письмоводителя, он оставил было славу и чести мира и скрылся в священной Студийской обители. Родители, пораженные тайным удалением своего сына, подняли море и сушу – всюду были разосланы царские слуги – отыскивать его. Им удалось наконец найти его и вручить ему призывные родительские письма. Николай показал эти письма игумену той обители, и тот присоветовал ему возвратиться к родителям, чтобы не навлечь на себя ответственности в грехе преслушания. Таким образом, по совету мудрого своего духовного вождя Николай тотчас возвратился в столицу, явился в отеческий дом и по-прежнему стал заниматься государственными делами, хотя огонь любви к иночеству, возжегшийся в его сердце, не угасал. Родители его, заботясь о земной славе единственного и горячо любимого ими сына, хотели видеть в нем воскресителя и продолжателя славного их рода. Но не так думал Николай. Не занимало его земное величие, не льстила слава – быть отсветом скоропреходящего блеска своих предков. Душа его вся занята была

произвольной нищетою и смирением ради Господа славы, и потому он только выжидал удобного времени, чтобы исполнить свое желание без скорби для своих родителей. Находясь уже несколько лет в этой мысленной брани, он вдруг против своей воли делается великим патриkiem. – Но мирская слава крайне тяготила его; эту высокую государственную должность, возложенную на него земным царем, проходил он в чистоте совести, хотя в то же время, возлагая полное упование на Пресвятую Богородицу, не отпадал благих надежд на перемену блестящего своего, по мнению миролюбцев, состояния. Наконец, родители его, прошедши с честью указанное им Промыслом земное поприще и воздавая общий долг смертной человеческой природе, сошли о Господе с позорища сего мира и оставили Николая единственным наследником огромного имени, движимого и недвижимого. Впрочем, со смертью его родителей еще не вдруг настал конец всем препятствиям исполнению давней святой его мысли. Он знал любовь и расположение к себе царя – видел, что ему нелегко склонить венценосца на свое желание, поэтому обратился с теплой молитвой ко Пресвятой Богородице, чтобы Она Сама, имиже вестъ судьбами, устроила его жребий и

расположила сердце царево в его пользу. Однажды, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, смиренный патрикий во время всенощного бдения со слезами просил Царицу Небесную облегчить трудность его положения. После этой молитвы, воодушевляясь несомненной надеждою, предстал он пред царем и, упав к царским стопам, смиренно просил снизить к его просьбе – дать ему царское согласие на приведение им в исполнение того, чего душа его желала еще с первых лет возраста. Жаль было царю лишиться достойнейшего патрикия, но зная хорошо твердую его решимость, царь уступил его просьбе и даровал ему державное свое согласие столь легко, что такой неожиданной перемене царских мыслей удивился сам патрикий. Николай ясно видел здесь призрение на смиренную его молитву Владычицы всей твари и потому от глубины души, от полноты сердца благодарил свою Заступницу. Согласившись на просьбу своего патрикия, царь отечески обласкал его, просил его молиться о благосостоянии его дома и всего его царства, заповедал ему обращаться к державе его во всех нуждах, обещая удовлетворять его щедро и по-царски. Можно представить, что чувствовал тогда Николай! Воздав подобающее благодарение и поклонение

венценосцу за такое его к себе расположение, он устремился из мира в пустыню, как не стремится и жаждущий елень на источники водные, – немедленно удалился на Святую Гору, явился к дяде своему, святому Евфимию, игумену Дохиарского монастыря и, все свое имущество посвятив обители, себя самого предал духовному вождю – дяде, как железо ковачу. Семена духовной жизни, посеваемые искусным сеятелем на земле благой, начали быстро произрастать на ней обильные плоды. Поэтому в непродолжительном времени Николай был облечен духовным своим отцом и дядею в иноческий ангельский образ, с именем Неофита. Это новое растение, прозябши на ниве иноческого жития, быстро возросло в великое древо и принесло Богу обильные плоды – в постах, молитвах и коленопреклонениях. Святой Евфимий, усматривая, что духовными плодами Неофита достаточно может пользоваться малое его братство, и видя, что все братия питают к нему великое уважение и благоговение за высокую подвижническую его жизнь, за благо счел, с общего согласия, передать на его попечение монастырек и сделать его игуменом с полной властью. А сам после сего возлюбил безмолвие и в последние дни своей жизни утешался только племянником своим, достигнув

же наконец глубокой старости, мирно почил о Господе в основанном им монастыре.

Приняв в свои руки кормило духовного правления, святой Неофит сетью мудрых своих наставлений и святых деяний уловил в свой монастырек многих, так что малая его обитель в короткое время возросла в лавру. Посему он принужден был, по причине тесноты, испытываемой его братией, позаботиться о распространении и увеличении своего монастырька, а так как дикость места и особенно недостаток воды в этом месте требовали для сей цели огромных сумм, то святой смиренно предложил своему царю быть ктитором монастыря. Царь принял предложение Неофита с благодарностью и благоговением и тотчас же послал ему со своими людьми из царской сокровищницы значительное количество золота, прося у него молитв и за себя, и за всех своих предков. Таким образом, в короткое время явился совершенно новый монастырь, в той самой величине, в какой видится он и теперь, под названием тоже, как и прежде, святой обители Дохиарской, и с главным храмом, опять в честь и память святителя Христова Николая. Заботясь об устройении святой своей обители, преподобный Неофит не опустил из внимания средств

содержать ее, но постарался приобрести в разных местах многие метохы, или участки земель и подворья.

Созидая обитель и приобретая для содержания ее недвижимое имение, святой истратил все деньги царские и свои, а в храмах его не была еще окончена живопись, недоставало еще для них священных сосудов и одежд. В таком трудном положении он скорбел и не знал что делать, писать же царю о новом вспоможении считал неприличным. Не видя ниоткуда человеческой помощи, святой Неофит решился, по наставлению царепророка, возвергнуть печаль свою на Господа, да Он препитает (Пс. 54, 23) – и обратился с теплой молитвою к верховному Управителю наших судеб. Богатый в милостях и скорый на помощь всем призывающим Его во истине, Бог, чтобы соделать осязательно очевидным дивный Свой Промысл о прославляющих Его, не замедлил явить чудесную Свою помощь с нуждою зиждущемуся храму славы Своея. Еще в царствование Никифора Фоки, ктитора Дохиарской обители, совершилось следующее достойное удивления и изумления чудо. Против Святой Горы, в виду Дохиара и других монастырей, лежащих на южном склоне Святой Горы, на расстоянии от нее не более четырех

часов плавания, находится полуостров, известный под названием Лонгос, или Сика. Святой Неофит стяжал здесь метох. Близ этого метоха с давних лет стоял один эмблематический столп, на вершине которого находилась каменная статуя, изображавшая человека и имевшая на голове своей следующую надпись: «ударивший меня по голове найдет множество золота». Эта надпись уже много лет оставалась загадкой без разрешения. Многие ударяли статую по голове, и надпись на ней всегда оказывалась ложной. Тайна эта так долго оставалась тайной не без особенного смотрения Божия. Настало время, – и сокровенный смысл ее легко разрешился по Божественному вдохновению. В сказанный метох святым Неофитом послан был для исправления разных монастырских нужд один юноша, двадцати лет, монастырский послушник, именем Василий. Хотя часто доводилось Василию дивиться и столпу, и надписи на нем – но таинственность этой надписи все-таки оставалась неизъяснимой для него. Однажды с восхождением солнца пришел он к этому столпу и, умудренный свыше, ударил по голове тень статуи, потом раскопал ту часть земли, где своей тенью голова падала, и нашел множество золота в медном котле, сверху покрытом мраморным камнем. Юноша был

полон удивления и радости от этой нечаянности, но не уязвился златолюбием. Закрыв опять золото со всей осторожностью, он тотчас же, прежде срока своего послушания, отправился в монастырь. Святой, недоумевая о преждевременном прибытии юноши, спросил его наедине, что это значит. Узнав причину поспешного явления к себе своего послушника, святой воздал славу и благодарение Богу, что Он, Всеблагий, услышал его прошение и не допустил ему снестаться долго печалью о скудости внутреннего украшения священного храма. Итак, с рассветом, не объявляя ничего братству, святой Неофит назначил, по прошению юноши, отправиться с ним трем честнейшим отцам на своем монастырском судне на полуостров Лонгос. Достигнув цели своего плавания, поверенные старцы с удивлением убедились в истине рассказа юноши. Достав из земли медный котел, полный золота, они внесли его вместе с камнем, служившим ему крышкой, на судно и немедленно поплыли обратно в монастырь, взяв с собою и юношу. Но эти три отца, как люди, не устояли пред соблазнительным блеском золота. Хотя они были и опытные в добродетели, но и лукавый хитр на зло: он по разным, с виду благословным, причинам убедил их утаить

золото. А нужно только занести ногу к нему в бездну – там ему уже нетрудно и совсем увлечь нас к себе. И действительно, для осуществления одного беззакония он внушил им совершить другое, еще горшее преступление – именно: чтобы утаилось от людей их хищение, враг склонил отцов умертвить невинного юношу и все это дело закончить обманом духовного их отца. Но верховный Управитель наших судеб не так судил быть этому лукавому и беззаконному сплетению. Наставленные дьяволом, несчастные иноки, связав юноше руки и ноги и повесив на шею его мраморный камень, которым было закрыто золото, бросили его в море. Это было ночью. А сами, достигнув монастыря, разделили золото между собой, и каждый свою часть скрыл внизу монастырской пристани – до времени, пока не найдет удобного случая удалиться из монастыря. Но Бог чудес, един верно распознающий злоухищрения врага и един всемогущею Своею силою ниспровергающий их, промышляя о душевном спасении этих иноков и о жизни сего доброго юноши, равно как об украшении священного храма, о коем столько умолял Его верный Его служитель, измышленное лукавым зло премудро и чудно направил ко благу. Лишь только юноша был брошен в море, тотчас явились осияваемые небесным светом

ангельские чинов начальники – Михаил и Гавриил – и юноша, подобно пророку Аввакуму, в один час принесенному ангелом из Иерусалима в вавилонский львиный ров, в то же мгновение лежал уже в монастыре, внутри запертой церкви, пред святым алтарем, на полу³⁰⁴ у царских врат, и в том самом виде, в каком был брошен в глубину морскую. Потрясенный предшествующими обстоятельствами и оттого лишившийся чувств, юноша погружен был теперь в глубокий сон. Когда пришло время утренней службы, кандилонжигатель, по обыкновению взяв благословение у игумена ударять в доску – деревянную доску, пошел сначала в храм – зажечь лампы пред иконами, и вдруг видит пред царскими вратами связанного по рукам и ногам спящего юношу. Возжигатель лампад, пораженный таким зрелищем и почитая это мечтанием бесовским, тотчас пошел из храма – возвестить о видении игумену. Игумен, упрекнув его в малодушии и робости, велел ему идти в храм, оградить себя знаменем крестным и сказать:

– Господи! Оружие на диавола крест Твой дал еси нам: трепещет бо и трясется, не терпя взирати на силу его, – яко мертвые восставляет, и смерть упраздни. Сего ради покланяемся погребению Твоему и возстанию³⁰⁵.

Кандиловжигатель известил игумена, что молитва и крест не имеют успеха. Тогда святой Неофит, познав, что видимое не есть обман и мечта бесовская, сам пришел с кандиловжигателем в церковь и – о чудо! – видит в столь странном положении того самого юношу, который возвестил ему об обретении золота. Исполненный тоже удивления и ужаса, святой Неофит долго стоял над юношей недвижимо, опершись на свой жезл, и не мог дать себе никакого отчета в видимом. После долгого раздумья наконец он жезлом своим легко коснулся юноши. Несчастный пробудился и не знал ни того, где он находится, ни того, что с ним делается. Успокоенный и вразумленный святым Неофитом, он наконец пришел в себя и объяснил преподобному эту загадку. «Посланные тобою, отче, – сказывал он успокоившись, – поверенные отцы, получив указанное мною золото, договорились утаить его, а для сокрытия своего преступления втайне решились утопить меня. Поэтому, связав мне руки и ноги и привесив этот камень на мою шею – как бы выделяя и мне часть из найденного нами сокровища, – они бросили меня в море. Далее я ничего не помню. Как вышел я из глубины морской и очутился здесь – не знаю: одно только помню – что лишь только погряз я в бездне

морской, тотчас явились какие-то двое златокрылых, как бы орлы, осияваемые неизреченным светом, и восхитили меня куда-то». Услышав эту повесть, святой понял, кто были златокрылые орлы. Всегда возлагая по Боге свое упование на сильную помощь архангелов Михаила и Гавриила, он несомненно верил и видел, что Бог предстательством их как юношу освободил от глубины морской, так и трем тем инокам не попустил погибнуть в бездне ада. Святой Неофит, чтобы более изумить братство этим чудом и вместе лучше обличить трех делателей беззакония – ибо он узнал, что они в ту ночь прибыли к монастырской пристани, – определил юноше остаться до утра в этом жалком положении, а утреню благословил читать в притворе храма; самый же храм велел кандиловжигателю на ночь запереть, строго запретив ему объявлять братству причину такой новости и странности. Утром благие и верные рабы явились с пристани в монастырь. Святой Неофит, призвав их к себе, спрашивал их о юноше и сокровище. «Тщетен наш труд, – отвечали они, – лжец этот юноша, обманул нас и, устыдившись своей лжи, убежал неизвестно куда». Святой, показывая вид, будто верит словам их, сказал: «Благословен Бог! Пойдемте в церковь, совершим славословие Богу – и Он,

как благий и сильный, пошлет нам богатую Свою милость, имиже вестъ судьбами». Между тем, по повелению его, ударили в колокола – собрались все отцы и вошли купно в Божественный храм, предводимые святым и теми тремя старцами. Едва только увидели они юношу в этом жалком положении, как виновников такого явления объял страх и трепет, а прочих отцов, не знавших о том прежде, недоумение и изумление. Тогда юноша на вопрос святого повторил то же самое в присутствии всех, что прежде рассказал ему одному. «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои!» – единогласно воскликнуло все священное братство, когда юноша замолчал. А те три несчастные инока, падши ниц и открыто исповедуя свое беззаконие, горько раскаивались в нем и со слезами просили святого Неофита и прочее братство помолиться ко Господу Богу и святым архангелам о прощении им великого их преступления и с неутешным плачем указывали место, где скрыли они губельное золото. При этих трогательных и поразительных обстоятельствах радость игумена и всей братии была неописуема. Хвалили и благодарили Бога, славили и архангелов. Но так как ангельские чиновники осязательно и явно показали сверхъестественными своими делами, что они

священный сей монастырь получили от Бога в жребий себе, то братство сочло благословным главный храм монастыря, который прежде, как выше сказано, был сооружен во имя святого Николая, посвятить Божественной двоице архангелов. А сему святителю был определен храм придельный. Таким образом, совершив всенощное бдение и Божественную литургию, братия с того времени благопристойно посвятили главный храм монастыря пречестным именам великих чиноначальников Михаила и Гавриила и прочих с ними безплотных сил. А на согрешивших монахов святой Неофит, по принятии от них золота, наложил епитимию и, как святотатцев, убийц и лжецов, изринул их на время из монастырского братства. Но когда они исполнили свою епитимию, слезами и покаянием умилоствовали Бога – тогда святой снова причислил их к общему лику, и они, по исполнении дней, мирно отошли ко Господу.

Святой Неофит, получив свыше дар для своего монастыря, расписал Божественный храм его прекрасной живописью, снабдил богатыми священными сосудами и одеждами и сделал весьма много других полезных приобретений. А юношу Василия, нашедшего сокровище, по желанию его, святой облек в ангельский образ, переименовав Варнавою, и упражнял его во

всякой добродетели. Но так как слава добродетелей святого Неофита прошла по всей Святой Горе, то все преподобные отцы афонские, по смерти тогдашнего прота, почли достойным поставить на это место игумена Дохиара. Святой Неофит, видя, что невозможно ему избежать сего поручения Святой Горы, передал с согласия всего братства священный монастырь для управления Варнаве, как мужу испытанному им самим и всем братством, а сам перешел в протат и нес обязанность прота много лет. Наконец этот труженик о Господе после многолетних святых своих трудов возымел нужду и в покое. Будучи уволен по преклонности лет от трудной должности прота, он возвратился в свой монастырь, где вскоре и отошел на вечный покой в лоно Авраама, исполненный дней. Молитвами святых отцов Евфимия и Неофита, да сподобимся и мы стяжать наслаждение вечными благами. Аминь.

* * *

299

Из Neon Martirologon.

300

Преподобномученику Иакову и сомученикам его есть служба, которая поется в день памяти в скиту Честного Предтечи и в обители св.

Анастасии, где и мощи их почивают. Служба напечатана в Афинах в 1894г.

301

Из Proskunhtarion monasthriou Doceiarion.

302

Автор книги Koionon proskunhtarion tou agiou ogouz, называя святого Евфимия тоже другом святого Афанасия, полагает его жившим при Никифоре Вотаниате. Но Вотаниат жил целым веком позднее святого Афанасия. Ясно, что здесь перемешаны Никифор Фока с Никифором Вотаниатом.

303

Это ныне главная афонская пристань. Место, где она находится, и ныне известно под тем же названием. Это от монастыря Ксиропотамского – на три четверти часа ходу.

304

На Афоне во храмах пред иконостасом нет амвонов.

305

Октоих 8-го гласа. Воскресная служба, стихиры на хвалитех.

